

НАША СТРАНА

Editor-Director
TATIANA X. DE DUBROWSKY
Casiña de Correo 2847
Buenos Aires Argentina

ЕЖЕНЕДЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ
“NUESTRO PAÍS”
SEMANARIO MONARQUICO RUSO
Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949917

Correo Argentino Snc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO
Concesión No. 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXI

Buenos Aires, Martes 11 de marzo de 1969

Буэнос Айрес, вторник 11 марта 1969 года № 994

A. ГОР - ОВ

Доктрина Гомулки и бездогматизм Тито

Западно-европейская печать уделила много внимания последнему съезду польской объединенной рабочей (коммунистической) партии.

Как известно, несколько месяцев тому назад весь мир познакомился с так называемой доктриной Брежнева, оправдывающей нарушение государственного суверенитета стран, состоящих в социалистическом блоке. Это так наз. "ограниченная суверенность" социалистических стран, дающая право советскому руководству с его верными союзниками вмешиваться во внутренние дела других коммунистических государств. Доктрина эта была срочно создана, чтобы дать какое-то подобие идейного оправдания оккупации Чехословакии войсками Варшавского договора.

В ноябре месяце прошлого года на съезде польской объединенной рабочей партии ее первый секретарь Гомулка выразил еще одно новое "учение" — новую доктрину, имеющую целью оправдание той же оккупации Чехословакии. Эта доктрина касается коммунистических партий, находящихся у власти и партий у власти не находящихся.

По словам Гомулки, есть большая разница между находящимися у власти компартиями, несущими ответственность за ход жизни в стране и за международное рабочее движение — и партиями, которые лишь борются за власть в чужеродном окружении и должны приспособливаться к политическому и общественному положению в их государствах. Если позиции некоторых европейских компартий в отношении чехословацких событий оказались другими, чем позиции стран Варшавского договора, то это потому, что первые партии были принуждены к тому "специфическими" условиями стран, в которых им приходится бороться. В капиталистических

странах каждая компартия следует стратегии и тактике, соответствующим специфическим условиям своей страны. Но эти партии не могут требовать от братских компартий, находящихся у власти и несущим ответственность за всю социалистическую систему в целом, чтобы они приспособили свою политику к политике партий в западных странах. И кто, по мнению Гомулки, нападает на позиции социалистических стран, не учитывая эти факторы, тот ослабляет позицию своей партии и всего рабочего движения.

Провозглашая этот новый взгляд на удельный вес отдельных компартий, Гомулка еще раз попытался идеально обосновать оккупацию Чехословакии и указать на несущественность протестов западных компартий против этой агрессии. Но этим самым Гомулка нанес окончательный удар по коммунистическому монолиту. Достаточно вспомнить Декларацию восемидесяти одной коммунистической партии в 1960 году, говорившую о том, что все партии имеют равные права и что не может быть ни вмешательства, ни интервенции во внутренние дела братских партий... Доктрина Брежнева опрокинула это постановление восемидесяти одной красной партии. Доктрина Гомулки разделила их на полностью правильные и неполномоченные...

Другой ветер веет из бесконтактной коммунистической страны — Югославии. Союз коммунистов Югославии ведет не-прерывную полемику с коммунистической партией Советского Союза. Эта полемика является ответом на обвинения Югославии со стороны СССР в экономических реформах и ревизионистской политике внутри страны. Обвинения эти всецело поддерживаются Вост. Германией, Болгарией и Польшей. При оценке этих обвинений не нужно забывать, что компартия Югославии считает, что она не управляет в своей стране, а выполняет лишь роль идейного водителя.

Югославское правительство с самого начала оккупации Чехословакии не сочло нужным считать эту оккупацию какой-то случайной ошибкой, а рассматривало ее как желание задавить возникающие в социалистическом лагере конфликты и противоречия и искусственно сохранить то, что уже давно должно было уйти в историческое прошлое. Югославские коммунисты считают, что все эти происшествия являются отголосками "великодержавной политики" и такого же бюрократизма; и что социализм не может дальше развиваться, если им будут управлять из одного центра.

Коммунисты Югославии в своих спорах с КПСС не признают обязательного значения марксистских догматов и не опираются только на Маркса и Ленина. Напротив, они отрицают необходимость существования в настоящее время догматов, говоря, что основоположники коммунизма не могли предвосхитить то, что может вылиться коммунизм в наше время, и поэтому теперь важно оставаться верными лишь основным принципам социализма.

С 1950 года в Югославии действительно обретен собственный путь, увший ее от советских шаблонов. Рабочие советы в предприятиях, хотя и находятся под контролем партии, но ведут свою собственную политику.

Югославские коммунисты твердо стоят на своих позициях и считают, что своими экономическими реформами и личными свободами показали новые пути современному коммунистическому движению.

Б. Рясинынский

ПО СТОПАМ И. Л. СОЛОНЕВИЧА

В № 9 "Посева" помещен полученный из СССР разбор статьи молодого писателя Ивана Русланова: "Молодежь в русской истории". Вдумчивый автор осуждает все попытки завести в России порядок на западно-европейский образец и ищет образцы в тысячелетней русской истории. Так как солидаризм не имеет никаких корней в нашем прошлом, то рецензент Л. Сергеева находит много спорных утверждений, но так как это написано в России, а значит выявляет точку зрения подсоветского мыслителя, то Сергеева вынуждена дать значительные выдержки, с которыми и хочется ознакомить народных монархистов.

Русланов пишет: "Молодежь — будущее страны. И не только непосредственное, "физическое" будущее, определяемое одним поколением. У каждого поколения есть своя духовная жизнь, свои идеалы, верования, надежды и мечты. От того, насколько эти идеалы и мечты, эта духовная жизнь, являются значительными, насколько их содержание определяется запросами истории, насколько молодежь данного поколения сумеет откликнуться на призыв эпохи, зависит сумеет ли она, став "отцами", передать свою духовную эстафету своим "детям". Духовная преемственность поколений — вот что определяет будущее страны, проверяет ценность и жизненную стойкость идеалов, устоев, надежд и верований".

"Отцы и дети Московской Руси были едины, духовного бунта молодых не было. Было взаимопонимание, связь и уважение к "отцам" (а их было за что уважать: они костили Русланову), было культурное строительство. Московская Русь была монолитна в своих идеалах.

Православие, как основа жизни, здоровое национальное чувство и определяемая им внешняя политика, целью которой являлось объединение Руси, подчинение окраин, расширение Руси до естественных географических пределов, борьба за выход к морям. В идеале — освобождение православных из-под турецкого гнета, крест на Св. Софии, объединение славян. Идея о Руси как о Третьем Риме. Государственно-политическим идеалом была царская власть. Царь олицетворял Русь. Без Царя не могло быть власти, не могло быть Руси".

Русланов пишет затем, что Петровские реформы разрушили эти идеалы, принесли много западных идеалов, надеялись над родной стариной, отошли от православных традиций.

"Социализм, парламентаризм, политическая демократия арифметического большинства были глубоко чужды и не нужны русскому самосознанию... Русская община — не социалистическая ячейка (ее экономическая сторона основана

на морально-духовном понятии "мира", специфически присущем славянской душе, тогда как наоборот, у социалистов "бытие определяет сознание").

Земский Собор — не парламент (Земский Собор — это идея общности Земли, государства, идея единения Царя и народа, лучшие люди земли собираются для помощи Царя, а не для контроля над ним, на Западе же как раз наоборот, парламент — собрание не доверяющих друг другу сословий, собранных для контроля над властью, которой они со-обща не доверяют).

Русское правительство — не политическая демократия большинства (на Собор выбиралось и кооптировалось лучшие люди земли, т. е. люди могущие там быть по своим заслугам, по должностям, по положению, по царскому доверию; политика и механические выборы "по большинству и от всех" были чужды русскому сознанию).

Русское государственное сознание, так же как и русские экономические и социальные учреждения, так же как и весь моральный и духовный склад русского человека определяются особенностями русско-славянской души и русской историей. Волею судьбы Россия была отделена от западной Европы и шла своими не похожими на другие путями...

Русский удельный князь — не западно-европейский феодал, Царь — не король-сюзерен, и наш купец и посадский — не буржуа и не бургера... У Западной Европы общая и тесно связанная и переплетающаяся история, свои выработанные этой историей духовные ценности: феодализм, католицизм, протестантизм, парламентаризм, политическая демократия, разделение власти, социализм... У нас свои пути, своя историческая судьба и свои духовные ценности... В культурно-историческом смысле мы — не Европа и не Азия, мы — часть света.

Русская интеллигенция была далека от этих аксиом... С Петра Великого началось на Руси великое шатание всего и вся, не закончившееся и по сегодняшний день..."

После развенчания Сталина — русский народ очнулся от столбняка, с треском лопнул мыльный пузырь, переливавшийся всеми цветами радуги — ореол "отца народов"...

Миллионы русских людей заговорили об ужасах "чисток", коллектivизации, узнали цену "достижений"... Революция оказалась кошмаром. Гекатомбы трупов взвыли к отмщению... Молодежь стала задавать вопросы "отцам" — соратникам "вождя": "А что ты делал в то время?"

Во время Второй Мировой войны многие советские граждане побывали на Западе, при Хрущеве во время "оттепели" начался культурный обмен, многие учёные, писатели, поэты и артисты поехали на Запад — увидели, сравнили и задумались...

Материализм дома — материализм и на Западе. В СССР очень плохо, на Западе лучше, но не то, что ожидали найти, не то, что искали — другие мерки, другие отправные точки... Русский человек искал и ищет всегда и везде "Божией Правды", — она отсутствует в социалистическом отечестве, но нет ее и в демократическом Западе.

Да.. на Западе легче жить, но "Черные пантеры" в США — разрешенная и официально действующая организация — никак не укладывается в русском мозгу...

Русская современная действительность

Россия не являетсянацией Иванов не помнят родства. И русская история не может быть сброшена со счетов, как нечто уже прошедшее, что уже ничему не может научить. Именно в русской истории вещественно отразились черты национального духа и религиозный смысл существования России. Это вещественное отражение имеет свои греховые стороны — как имеет свои греховые стороны все существующее на земле. Для русского националиста совершенно обязательно самое щательное изучение родной истории и самый беспощадный анализ ее грехов. Историческое покаяние также необходимо, как и историческая исповедь нации перед ее Творцом, перед той частицей Бога, которая живет в душе каждого человека и которая именуется совестью.

Иван СОЛОНЕВИЧ

Editor-Director
TATIANA X. DE DUBROWSKY
Casiña de Correo 2847
Buenos Aires Argentina

A. ГОР. ОВ

Сергей Ленский

ИСТОРИЯ ПОВТОРЯЕТСЯ

В газетах промелькнуло известие о том, что в Калифорнии появились прекрасно изданные порнографические журналы, продающиеся по такой низкой цене, что она никак не может оплачивать расходов по изданию и продаже.

Но кому-то и почему-то является выгодным распространение подобной литературы, хотя бы даже и себе в убыток.

Невольно приходит на ум сопоставление этого факта с воспитанием большинства нашего поколения в начале текущего столетия. Да, правда, было много прекрасных учебных заведений. Была выработана превосходная учебная программа, лучше западно-европейской. Но наряду с этим откуда-то постоянно просачивались: порнографическая литература, срамные фотографии, водка, табак, кощунственные песни... Кто-то закулисный добивался настойчиво, всеми средствами развернуть молодежь, убить в ней национальный и религиозный дух, ослабить ее физически и морально.

Добивались и добились. В 1905 году не только студенчество, но и некоторые

построена на западных принципах и она кощурна...

Критика сталинского периода вылилась в критику режима и всей революционной пропаганды, и думающие люди стали искать причину всех причин, стали искать корней откуда пошло все зло на Руси.

Тридцать лет тому назад Иван Лукьянович Солоневич осудил пагубность прививок западно-европейских идей на нашей Родине, напомнил наши исконно русские идеалы и установил принципы Российской Народной Монархии...

И вот прошло больше тридцати лет и в СССР появился молодой писатель Иван Рысланов стоящий свои рассуждения на том же фундаменте...

Принципы Народной Монархии всходят самостоятельно в толще нашего народа. Здоровый инстинкт народного самосохранения народа ищет правильный путь. Идея Народной Монархии проникает в головы лучших подсоветских людей.

Прочтя эту статью, всякому не предвзятыму человеку станет ясно, что Народная Монархия имеет все шансы из мечтаний отдельных энтузиастов претвориться в действительность.

Дай-то Бог!

Б. Рябининский

средние учебные заведения и даже женские гимназии принимали участие в уличных беспорядках. Несоучувствовавшие им клеймились эпитетами отсталых, ретроградов, несознательных, черносотенцев и т. п. Выступать против подпольных идей и акций было небезопасно.

Я вспоминаю характерный случай одного из таких опасных выступлений, имевший место в житомирской частной женской гимназии. Главными действующими лицами были: одна десятилетняя ученица этой гимназии и блаженнопочижающий Митрополит Антоний (Храповицкий). На одном торжестве упомянутой гимназии ученицы должны были петь хором национальный гимн. Рядом с нашей малюткой, которую в семье звали "Мурочки", стояла более взрослая, крупная девочка, которая вместо слов "Боже, Царя храни!" пела "Боже, царя похорони". Мурочка, отличавшаяся всегда очень робким характером, на этот раз, во власти неудержимого негодования, совершила позабыв про свою робость, едва дождавшись окончания торжества, решительно подошла к той девочке в раздевалке с вопросом: "Ты зачем пела: Боже, царя похорони?"?

"А тебе какое дело? Пела и буду..."

Она не успела докончить фразы, как получила звонкую щечину, одну, другую... Дылда едва успела схватить свое пальто и с громким визгом бросилась спасаться бегством от разъяренной крошки, которая не спеша оделась и с достоинством, раскрасневшаяся от негодования, направилась домой.

Был экстренно созван педагогический совет, почти единогласно постановивший исключить "дракунью" из гимназии. — "Мы не можем терпеть жандармов в в стенах нашего учебного заведения", — раздавались возмущенные голоса "педагогов". Тщетно законоучитель о. протоиерей С. Бакарджиев указывал на беззаконное поведение Мурочки до того случая, ее незаурядные способности; указывал на психологию ребенка, воспитанного в богоизбранный семье, преданной своему Отечеству и обожавшей Государя. "Педагоги" были неумолимы.

Семья девочки имела однако мощного покровителя в особе Высокопреосвященнейшего Митрополита Антония (Храповицкого), который, узнав о произошедшем, заявил начальнице гимназии: "Если Мурочка будет исключена, — Ваша гимназия будет немедленно закрыта".

Девочку не исключили, но после этого случая начали ее бойкотировать, делали ее посмешищем класса, сурово придири-

ГРАМОТА № 63
По повелению ГЛАВЫ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
ВЛАДИМИРА КИРИЛЛОВИЧА

Генерального Штаба Полковник
СЛЕЗКИН ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

награждается Знаком с вензелевым изображением Имени ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА 2-й степени за многолетнюю верность и преданность.

Настоящая Грамота выдана в Мадриде 1969 года Января 1-го дня.
Начальник Собственной Его Императорского Высочества
Государя Великого Князя Владимира Кирилловича
Походной Канцелярии

Ротмистр ВУИЧ

лись к каждой мелочи, незаслуженно ставили ей плохие отметки, а преподаватель словесности однажды даже сжалсирировал ошибку в ее классной работе, в чем о. протоиерей Бакарджиев лично убедился, с лупой в руках исследуя тетрадь. Издавались взрослые люди ("педагоги") над ребенком (политическая месть!) где и как только могли и довели девочку до хронического нервного расстройства, до отчаяния, так что родители вынуждены были в конце концов перевести ее в другую гимназию.

Правда, педагогическое преступление было тоже наказано. Все революционные учителя были немедленно разогнаны, а начальница спасла свою гимназию тем, что вышла замуж за того единственного из них, который старался привить ученикам патриотический и правовславный дух и который не соглашался на исключение Мурочки. Последняя, после всего пережитого в житомирской гимназии, воюя жизнь страдала повышенной нервностью. Трагические события на нашей Родине и последовавшая за ними беженская жизнь усугубили нервную болезнь, на которую никакие лекарства не действовали, и только много позже профессор Кранский в Белграде облегчал ее страдания гипнотизмом.

Разогнанные же "преподаватели революции" имели возможность продолжать свою тлетворную деятельность по другим местам. Владыка Антоний был один на всю Россию, а их было много, и они имели верных помощников в "революционных поджигателях", в порнографии, в кощунственных анекдотах, в спиртных напитках и прочих "бесах".

Мудрено ли после этого, что когда Отечество очутилось на краю бездны в 1918 году, — нашлась только крошечная горсточка добровольцев, бестрепетно отдавших свои молодые жизни в попытках спасения его. Да, это были полноценные герои, рыцари без страха и упре-

ка, которые не позволили одурманить себя преступным красным сиренам; герои, выполнившие свой гражданский долг до конца, до безвестных могил на бесчисленных полях сражений. Вечная память и вечная слава им! Их было только около 5000, т. е. приблизительно — 1/400% нации. Горсточка! Горсточка на юге, горсточка на севере, горсточка на востоке. Слишком мало, чтобы прорваться через измену, трусость и ложь к Москве — сердцу России: "рука бойцов колоть устала". Полковники генерального штаба и безусые гимназисты шли рядом в передовых линиях, держа винтовки голыми закоченелыми руками. Не хватало борцов и не было средств купить перчатки. В то же самое время в тылу рестораны, театры и всякие увеселительные заведения пестрели офицерскими мундирами. На фронтах ручьями текла кровь лучших сынов России, а по тылам шампанское лилось рекой и бросались щедрые чаевые смазливеньким "Долитам".

Пир во время чумы! Оргии над кратером огнедышащего вулкана! — Вот результат той подпольной акции тихой сапой порнографии, которая поражает свою дешевизной — "ниже себестоимости".

Не напоминает ли эта наша трагедия теперешнюю драму США? Сравните легендарное геройство "зеленых беретов" в Вьетнаме с наглыми грязными битлесами, коммунистическими "нацистами", развратными хиппи и прочими хулиганами в глубоком тылу, имеющими возможность вдохновляться хорошо изданной и очень дешевой порнографической литературой.

Зачем им рисковать своими драгоценными жизнями на чужбине, когда они могут мирно наслаждаться ленью и развлечением у себя дома?

История повторяется.

Сергей Ленский

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН — 38

Печатается без ведома и согласия автора.

гом вниз по лестнице и, переклоняясь из своей дородности, еще наговаривая, нахрапывал ему через плечо:

— А как вы думаете, товарищ, — если опухоль моя не болит — это к лучшему или худшему? Это о чём свидетельствует?

Утомительные и беззащитные люди.

— Кто вы? — спросил Костоглотов, останавливаясь.

— Лектор, — большеуший с серым холеным зачесом смотрел на Костоглотова с надеждой как на врача. — Философ, — опомнившись и приостанавливаясь, ответил директор банка. Уж он переморщился и простили сегодня Костоглотову его неуместные и неловкие цитаты из философов прошлого. Уж он не упрекал его, но нужны ему были адреса заготовителей.

— Лектор, и горла! — Костоглотов покрутил головой.

Он ничуть не раскаивался, что там, в палате, не объявил вслух адреса заготовителей. По понятиям среды, как волочильный стан протягивавшей его через себя семь лет, так мог поступить только дешевый фрайер: все бросятся писать этим заготовителям и цены вздуются, и чаги не получишь. Но по-одиночке хорошим людям он обязан был дать. Этому геологу, с которым Олег еще и десяти слов не сказал, он уже знал, что ласт, потому что очень ему понравилась его морда, и как он сказал в защиту кладбищ. И Демке даст, но у Демки денег нет. (Да и у самого Олега их нет, выкупить-то чагу не на что). И Федерау можно дать, и Ни, и Сибгатову — как товарищам по несчастью. Но пусть каждый попросит отдельно, а не спросит — значит — мимо. А вот этот лектор-философ, — представлялось Олегу, — вздорный человек, и что он там в своих лекциях наворачивает? Может, только мозги мутят?. И к чему вся его философия, если он так растерялся от болезни?! Но надо и было сойтись, чтобы именно горло

— Пишите адрес заготовителя! — скомандовал Костоглотов. — Только для вас! Философ с благодарной поспешностью наклонился писать. Продиктовав, Олег оторвался от него и скорей, пока еще не заперли внешнюю дверь, вышел на прогулку.

На крыльце за дверью не было никого.

Олег счастливо вздохнул серым холодным неподвижным воздухом и, не успевая им прочиститься, тут же зажег и папироску, без которой все равно не хватало до полного счастья (хотя теперь уже не только Донцова, но и Масленников нашел в письме место упомянуть, что курить надо бросить).

Было совсем безветренно и не морозно. В одном оконном отсвете видна была близкая лужа, вода в ней чернела без льда. Было только пятое февраля — а уже весна, непривычно. Туман — не туман, легкая мгла висела в воздухе — настолько легкая, что не застилала, а лишь смягчала, делала не такими резкими дальние светы фонарей и окон.

Слева от Олега тесно уходили в высоту, выше крыши, четыре пирамидальных тополя, как четыре брата. С другой стороны стоял тополь одинокий, но раскидистый и в рост этим четырем. За ним сразу густели другие деревья, шел клин парка.

Неогражденное каменное крыльцо Тринадцатого Корпуса опускалось нескользкими ступеньками к покатой асфальтовой аллее, ограниченной с боков кустами живой изгороди невпрордер. Все это было без листьев сейчас, но густотой заявляющее о жизни.

РАКОВЫЙ КОРПУС

Тяжелое грозное слово своими сильными звуками прозвучало в комнате как залп.

Павел Николаевич миролюбиво поморщился.

— Ну, как сказать? А почему, собственно, хуже? Процесс идет медленней. Костоглотов уставился темным недоброжелательным взглядом в светлые очки и светлые глаза Павла Николаевича.

— Хуже тем, что вас все еще живого исключают из мира, отрывают от родных, сажают за проволоку. Вы думаете, это легче, чем опухоль.

Павлу Николаевичу не по себе стало в такой незащищенной близости от темно-горящего взгляда этого неотесанного неприличного человека.

— Ну, я хочу сказать — вообще эти проклятые болезни...

Любой интеллигентный человек тут понял бы, что надо же сделать шаг на встречу. Но Оглоед ничего этого понять не мог. Он не оценил тактичности Павла Николаевича. Уже вставши во всю свою долговязость и надев грязно-серый бумазеевый просторный бабий халат, который почти спускался до сапог и был ему пальто для прогулок, он с самодовольствием объявили, думая, что у него получается учено:

— Один философ сказал: если бы человек не болел, он не знал бы себе границ.

Из кармана халата он вынул свернутый армейский пояс в четыре пальца шириной с пряжкой — пятниченной звездой, опоясав им запахнутый бабий халат, остерегаясь только перетянуть место опухоли. И, разминая жалкую дешевую папироску-гвоздик из тех, что гаснут, не дрогрев, пошел к выходу.

Интервьюер с сипящим горлом отступал перед Костоглотовым по проходу между койками и несмотря на всю банковско-министерскую наружность, так умоляюще спрашивал, будто Костоглотов был прославленное светило онкологии, но навсегда уходил из этого здания.

— А скажите, примерно, в скольких случаях из ста опухоль горла оказывается раком?

Стыдно смеяться над болезнью и горем, но и болезнь и горе тоже должны быть так переносимы, чтобы не вызвать смеха. Костоглотов посмотрел в потертное перепуганное лицо этого человека, так смешно мельтешившего сегодня по палате, а до этой опухоли такого, наверно, самотовлеющего. Даже вполне понятная манера придерживать пальцами больную горло при разговоре выглядела у него почему-то смешно.

— В тридцати четырех, — улыбнулся ему Костоглотов, посторонясь.

Сам-то он не слишком раскудахтался сегодня? Не сказал ли чего лишнего, чего говорить не положено?

Беспокойный интервьюер, однако, не отстал от него, он поспешил за Оле-

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

МИТРОПОЛИТ ФИЛАРЕТ

Нам пишут из Нью Йорка:

Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви, митрополит Филарет, прервавший свое пребывание в Новой Коренной Пустыни, в окрестностях Нью Йорка, для совершения богослужений в синодальном соборе Знамения Божией Матери, вернулся в упомянутый монастырь.

Здоровье митрополита улучшилось настолько, что он имеет возможность заниматься текущими вопросами церковного управления.

БЕССТЫДНЫЕ ЗАЯВЛЕНИЯ

Нам пишут из Мюнхена:

Советский пропагандистский "Голос Родины" опубликовал "беседу" с архиепископом Кировским и Слободским Мстиславом (Волонсевичем), который в сане архимандрита, будучи настоятелем прихода Русской Зарубежной Церкви в западном Берлине, был уличен в преступлениях против нравственности и, во избежание угрожавшего ему наказания, бежал из западного Берлина в восточный, а оттуда в СССР, где московской патриархией был введен в сан епископа, а затем и архиепископа.

"Беседа" с этим перебежчиком опубликована "Голосом Родины" в виде вопросов корреспондента этой газеты и ответов Волонсевича. Эти ответы содержат бесстыдное отрицание какого-либо гонения на Церковь, веру и верующих в России.

"В буржуазной прессе, а также в некоторых эмигрантских изданиях — сказал представитель "Голоса Родины" —

Обществом Ревнителей Памяти Императора Николая II в Брюсселе издана долгоиграющая пластинка, передающая единственную запись торжественного отпевания мученических убиенных Царской Семьи в 50-летнюю годовщину Екатеринбургского злодействия.

Пластинки изданы в строго ограниченном количестве и представляют большую ценность для каждого русского патриота.

В Аргентине эти пластинки можно заказывать и получить исключительно в Центре Русских Белых (Carlos Calvo 2851, Buenos Aires. Т.Е. 97 - 0447).

Цена пластинки — 6.50 amer. долларов.

Весь доход от продажи пластинок поступит на благолепие и украшение Храма-Памятника Св. Иова Многострадального в Брюсселе, воздвигнутого в память Царя-Мученика и Его Августейшей Семьи.

Появляются высказывания о том, что в СССР якобы отсутствует свобода вероисповедания и имеют место преследования служителей культа и верующих. Что вы могли бы сказать по этому поводу, исходя, в частности, из опыта вверенной вам епархии?

"Зная действительное положение вещей — ответил Волонсевич — я, на примере своей епархии, могу со всей ответственностью подтвердить и с чистой совестью заявить, что свобода вероисповедания в Советском Союзе никогда не подавлялась. Негативные же явления возникали в прошлом лишь тогда, когда отдельные священнослужители вмешивались в дела политические или нарушали закон об отделении Церкви от государства. Все священнослужители и верующие, которые честно и добросовестно соблюдают законы и исполняют свои гражданские обязанности, никем не преследуются и не преследуются, а свобода совести гарантируется у нас законом, который государственными органами строго соблюдается".

Сделав это лживое и противоречашее очевидности заявление, Волонсевич ответил затем на вопрос советского журналиста, который сказал:

"Что вы могли бы сказать о деятельности так называемого Карловацкого раскола и различных, ориентирующихся на него антисоветских групп из числа эмиграции?"

"Мне — заявил Волонсевич — известно о нынешней антипатриотической деятельности Карловацкого раскола. Представление же об этой организации я имею довольно полное, ибо в годы своей жизни за рубежом, в силу сложившихся обстоятельств, на какое-то время оказался втянутым в нее, хотя я и тогда считал себя клириком Православной Церкви в Польше".

Он прибавил затем, что Русская Зарубежная Церковь "не имеет под собой никаких канонических оснований" потому, что "в нее вошли священнослужители-эмигранты, оставившие Россию по мо-

тивам политическим, а отнюдь не религиозным", а затем сказал:

"В Карловацком расколе многие священнослужители и некоторые миряне, прикрываясь Церковью, занимаются по преимуществу отнюдь не религиозной деятельностью, а чисто политической, открыто провозгласив своей целью политическую борьбу с советской властью".

Он обвинил покойного первонерарха Зарубежной Церкви митрополита Анастасия и протопресвитера Георгия Граббе в том, что они "заставляли подчиненных им священнослужителей быть посредниками между американскими оккупационными властями в Германии и перемещенными лицами" при организации переселения русских эмигрантов из Европы в Америку. Эту помощь Церкви русским эмигрантам Волонсевич назвал "позорной деятельностью".

Свое бегство из западного Берлина в восточный он объяснил тем, что был в Гамбурге свидетелем "слияния деятельности Карловацкого раскола с деятельностью псевдо-эмigrantской организации НТС". Он сказал затем, что некоторые русские зарубежные священнослужители "занимаются сочинением подметных писем с призывом к восстановлению монархии и к созданию каких-то подпольных организаций верующих в нашей стране" и назвал это "прямой политической подрывной деятельностью".

Волонсевич упомянул затем обращенный к клирику и мирянам австралийско-новозеландской епархии Русской Зарубежной Церкви указ архиепископа Саввы и епископа Константина, запретивших упомянутому клирику и мирянам общение с приезжающими в Австралию представителями московской патриархии, и сказал, что "такое запрещение мало кого испугает".

Закончил он свое заявление обращенным к русским эмигрантам призывом "внести свою лепту в дело дальнейшего развития взаимопонимания, доверия и мирного сотрудничества между народа-

О П О В Е Ш Е Н И Е

Правление Кредитного Кооператива "ХХ век" настоящим сообщает, что 30-го марта 1969 года в 17 часов в помещении Центра Русских Белых состоится ГОДОВОЕ ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ членов Кооператива со следующей повесткой дня:

- 1) Открытие Собрания;
- 2) Выборы двух лиц для подписи протокола Собрания;
- 3) Отчет о деятельности Кооператива за 1968 год;
- 4) Денежный отчет за 1968 год;
- 5) Доклад Синдика Кооператива;
- 6) Довыборы членов правления Кооператива;
- 7) Выборы Синдика и его Заместителя.

В случае отсутствия кворума к назначенному времени второе собрание состоится в 18 часов при любом количестве присутствующих.

Правление Кооператива "ХХ век"

З У Б Н О Й В Р А Ч

Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
Docente de Facultad de Odontología

ДОКТОР МЕДИЦИНЫ

(говорят по-русски)

Специальное лечение корней зубов.

Бор-машина Ultrasónico.

Искусственные зубы.

Рентгеновские снимки.

Прием ежедневно от 14 до 20 час.
Corrientes 2885, P. 2, Dto 22, Capital

T. E. 88 - 3605

(Один квартал от станции подземки Rueyrgredón по линии Federico Lascote).

ми стран их проживания и советским народом".

ЕПИСКОП ВАСИЛИЙ

Нам пишут из Вены:

Австрийское католическое бюро печати "Катпрес" сообщило, что во Львове агентами КГБ арестован тайно возвезденный в сан епископа Греко-Католической (униатской) Церкви единственный ее иерарх в СССР, епископ Василий (Величковский).

В 1945 году священник Величковский был одним из многих сотен униатских священнослужителей, арестованных и заключенных в советские тюрьмы и лагеря за отказ подчиниться принудительному уничтожению унии в Восточной Галиции. В епископский сан он был, по-видимому, введен в тюрьме заключенными вместе с ним униатскими иерархами.

Отбыв 20-летнее заключение, он вернулся во Львов и был арестован по пути в дом умиравшего мирянина, которого хотел исповедать и причастить.

Олег вышел гулять-ходить по аллеям парка, ощущая с каждым поступом и размином ноги ее радость твердо идти, ее радость быть живой ногой неумершего человека. Но вид с крыльца остановил его, и он докуривал тут.

Мягче светились нечастые фонари и окна противоположных корпусов. Уже никто почти не ходил по аллеям. И когда не было грохота сзади от близкой тут железной дороги, сюда достигал ровный шумок реки, быстрой горной реки, которая билась и пенилась внизу, за следующими корпусами, под обрывом.

А еще дальше, через обрыв, через реку, был другой парк, городской, и из того ли парка (хотя ведь холодно) или из открытых окон клуба доносилась танцевальная музыка духового оркестра. Была суббота — и вот танцевали... Кто-то с кем-то танцевал...

Олег был возбужден — тем, что так много говорил, и его слушали. Его перехватило и обвило ощущение внезапно вернувшейся жизни, с которой еще две недели назад он считал себя разочарованным навсегда. Правда, жизнь эта не обещала ему ничего того, что называли хорошим и о чем колотились люди этого большого города: ни квартиры, ни имущества, ни общественного успеха, ни денег — но другие самосущие радости, которых он не разучился ценить: право переступить по земле, не ожидая команды; право побывать одному; право смотреть на звезды, не заслепленные фонарями зоны; право тушить на ночь свет и спать в темноте; право бросать письма в почтовый ящик, право отдыхать в воскресенье; право купаться в реке. Да много, много было еще таких прав.

И среди них — право разговаривать с женщинами.

Все эти чудесные неисчислимые права возвращали ему выздоровление! И он стоял, курил и наслаждался.

Донеслась эта музыка из парка, Олег слышал ее — но и не ее, а как будто четвертую симфонию Чайковского, звучавшую в нем самом, — неспокойное трудное начало этой симфонии, одну удивительную мелодию из этого начала. Ту мелодию Олег истолковывал ее по-своему, может быть надо было понимать не так, — где герой, то ли вернувшись к жизни, то ли был слепым и вот прозревающий, — как будто нашупывает, скользит рукою по предметам или по дорожному лицу — ощупывает и еще боится верить своему счастью: что предметы эти вправду есть, что глаза его начинают видеть.

12

Утром в воскресенье, торопливо одеваясь на работу, Зоя вспомнила, что Костоглов просил непременно надеть на следующее дежурство то же самое серо-золотеное платье, ворот которого за халатом он видел вечером, а хотел взглянуть при дневном свете. Бескорыстные просьбы бывают приятно исполнить. Это платье подходило ей сегодня, потому что было полупраздничное, а она днем надеялась побездельничать, да и ждала, что Костоглов придет ее развлечать.

И наспех переменив намерение, она надела заказанное платье, несколькими ударами ладони надушила его, начесала челку, но время уже было последнее, она натягивала пальто в дверях, и бабушка еле успела сунуть ей завтрак в карман.

Было прохладное, но совсем уже не зимнее, сырватое утро. В России в такую погоду выходят в плащах. Здесь же, на юге, другие представления о том, что холодно и жарко: в жару еще ходят в шерстяных костюмах, пальто

стараются раны надеть и позже снять, а у кого есть шуба — ждут не дождутся хоть несколько морозных дней.

За углом Зоя сразу увидела свой трамвай, квартал бежала за ним, вскочила последняя, и, с задумкой, красная, осталась на задней площадке, где обевало. Трамвай в городе все были медленные, громкие, на поворотах надрывно визжали о рельсы; все без автоматических дверей.

И задышка и даже колотье в груди были приятны в молодом теле, потому что проходили сразу — и еще полней чувствовалось здоровье и праздничное настроение.

Пока в институте каникулы, одна клиника — три с половиной дежурства в неделю — совсем ей казалось легка, отдых. Конечно еще легче было бы без дежурства, но Зоя уже привыкла к двойной тяжести: второй год она и училась, и работала. Практика в клинике была небогатая, работала Зоя не из-за практики, а из-за денег: бабушкиной пенсии на один хлеб не хватало. Зояна стипендия пролетала враз, отец не присыпал никогда ничего, и Зоя не просила. У такого отца она не хотела одолжаться.

Эти первые два дня каникул, после прошлого ночного дежурства, Зоя не лежебочнила, она с детства не привыкла. Прежде всего она села шить себе к весне блузку из креп-жоржета, купленного еще в декабрьскую получку (бабушка всегда говорила: "Готовь сани летом, а телегу зимой", и по той же пословице в магазинах лучшие летние товары можно купить только зимой). Шила она на старом бабушкином "Зингере" (дотащили из Смоленска), а приемы шитья были первые тоже от бабушки, но они были старомодны, и Зоя, что могла быстрым глазом перехватывала у соседок, у знакомых, у тех, кто учился на курсах кройки и шитья, на которые у самой Зои времени не было никак. Блузки в эти два дня не дошила, но зато обошла несколько мастерских химчистки и пристроила свое старое летнее пальто. Еще она ездила на рынок за картофелем и овощами, торговалась там, как жмот и привезла в двух руках две тяжелые сумки (очереди в магазинах выставила бабушка, но тяжелого носить она не могла). И еще сходила в баню. И только просто полежать-почитать у нее времени не осталось. А вчера вечером с однокурсницей Ритой они ходили в Дом Культуры на танцы.

Зое хотелось бы чего-нибудь поздоровей и посвежей, чем эти клубы. Но не было таких обычаем, домов, вечеров, где можно было бы еще знакомиться с молодыми людьми, кроме клубов. На их курсе и на факультете девченок было много русских, а мальчиков почти не было. И потому на институтские вечера не тянуло.

(Продолжение следует)

Вышла из печати и поступила в продажу
Alejandro Soljenitsin:
"CUENTOS EN MINIATURA"

(Перевод на испанский язык Ирины Астрау)

Издательство "ЕМЕСЕ"

ТЯГА К НАРОДНОМУ ПРОШЛому

(КРС)

И странным виденьем грядущей поры
Вставали вдали все пришедшее после.
Все мысли веков, все мечты, все миры.
Все будущее галерей и музеев,
Все шалости фей, все дела чародеев,
Все елки на свете, все сны детворы...
Весь трепет затягиваемых свечек, все
цепи,
Все великолепье цветной мишуры...
... Все злые и свирепые дул ветер из
степи...
... Все яблоки, все золотые шары...

Эти стихи Бориса Пастернака, — пожалуй, единственное упоминание о празднике Рождества во всей советской литературе. Тема православных и вообще религиозных праздников — совершенно исчезла из литературы Советского Союза. Но тема православия или еще шире — христианства, часто, хотя и приглушенно, звучит в произведениях поэтов и писателей. Отдельные мысли о нем рассыпаны в стольких рассказах и очерках, что перечислить их нет возможности. Высказанные они бывают по-разному, но всегда крепко связаны с нежностью к русскому народному прошлому. Будто, в теплых руках тает снег. Вот, например, в рассказе советского писателя Виктора Лихоносова "На улице широкой".

"Бабушка наведывалась обычно по осени, к Новому году или на Великий пост. На бабушку Женя глядел зачарованно. Для него в древнем человеке, как и в старинных годах его родины, скрывалась какая-то особенность, которая в его поколении не повторится. Он понял это позднее. Добрые молебные бабушки сказывали перед сном детям непонятные и оттого удивлявшие душу истории. "На Синайской горе, на Препитанской земле, там стояло дерево купоросное, под тем деревом Мати Божия почивала. Пришел Сын Иисус Христос: "Мати моя, ты спиши или лежиши?" Она: "Я немного, сынику, поспала, а много во сне дива видела: не иначе Ты на кресте разопытый. Терновый венец Тебе на голову надвали, копьями ребра перебивали. Как хлынула кровь тремя реками, ангелы с неба слетели, золотые чаши подставляли, восточной крови до земли не допускали"...

... Все на свете заведено не-нами, — успокаивала бабушка своих детей, — значит, было угодно Богу, коли матери Жени суждено было пережить мужа. Отца убили, а с матерью что-то случилось. Не становился Женя уже на коленки, не щептал "Отче наш". Только временами бывало пусто и грустно без молитвы, которой выучила его бабушка. Не в словах было дело, как понял Женя потом. Поражало бабушкино сострадание и тайна милосердия, которой она жила. Музыка бабушкиной речи запомнилась ему навсегда.

Казалось, что бабушка жила еще до татар и всегда была старенькой. Казалось, она прожила целые века, да так и не заметила, что все в жизни меняется. Ей хотелось, чтобы все на свете было вечно и недвижимо — как звезды, как сама земля.

— Ну, а скажи мне, — спросила она

как-то Женю, — у тебя на сердце не бывает такого, что Бог есть?

— Не помню, — честно и виновато сказал Женя. — Кажется, нет.

— Э-эх, дурно-ой, дурной, — скрутилась бабушка. — Как ты сам себя не ведешь, а сочувствие Богу должно быть. Бог дает терпение, толкает на добро.

— Терпению конец бывает, — сказал он.

— Так суждено нам. От плохой жизни и плохого человека к Богу идти. Сейчас народ страшный стал: не то что Бога, людей не признают. Чтоб у меня было, а у тебя не было — вот как живут. Чтоб в сундуке было, к себе землю гребем, все равно, говорят, на том свете ничего нет, да нет, лучше отдать: сегодня разговариваешь, живешь, а завтра тебе не станет! Нет, только добро делать, с душой добро нести.

— Не плачь, бабушка, я все запомню хорошее. Ну, что поделаешь, если старое прошло и не воротится? Будем жить дальше. Будем стараться. Правда? Ну, вот.

— Мне не себя жалко, мне вас жалко. Мы что, славу Богу, немножко да захватили, а вы уж того не увидите. Сейчас ни старого, ни пожилого дети не ценят.

Это был год прощания с чистой, какой-то бестелесной бабушкой.

Бабушка для Жени была олицетворением какого-то возвышенного чувства жизни, коренного народного прошлого. И тяга к этому прошлому, без которого каждый народ становится Иваном, не помнящим родства, в русской литературе становится все заметнее, все явственнее. Она, как роджественская Звезда зовет и мудрецов, и пастухов из ночи к колыбели народной культуры, к фрескам древних монастырей, к иконам Рубleva. Во весь голос заговорил о ней Владимир Соловьев:

"Вот костяной закоптелый крест конца XV столетия. На нем — а весь он в 15 сантиметров длиной — вырезано по кости 12 миниатюр на библейские сюжеты. Волнует же, если можно так выражаться, атмосфера каждой вещи. Нужно представить себе ту обстановку, в которой она находилась прежде, чем попасть в шкафы музея. Нужно представить себе те часовни, те скиты, те старороднические мольельни, те бороды и глаза, те до бровей платки и шепчущие губы, то освещение огарочком свечи и тот воздух, который пропитывал эти вещи в течение веков, чтобы они, эти вещи, начали говорить и даже волновать своим рассказом.

Каждая из этих десяти тысяч мелких вещиц пришла из своей особенной обстановки. Та стояла на полочке вологодской крестьянки, та висела на груди у странствующего монаха, та была прикреплена к кладбищенскому кресту. Ту носил в виде ладанки воин, участник Бородинского сражения, а та по времени могла бы принадлежать участнику Куликовской битвы. На ней вот даже вмятина, похожая на след от стрелы".

На поиски родного прошлого, окрывающегося, одушевлявшего искусство, отправляются русские искусствоведы. И часто, где-нибудь в глухомани, в далеких деревнях, встречают они не только редкие образы иконописного искусства, но и непоколебимую, крепкую и умильную веру.

Вера ушла в подполье. Но неспроста же столько писателей хоть мельком касаются темы народного прошлого и не-отделимой от него веры! Если бы она погасла — не ходила бы какая-то часть нашей молодежи в церковь, не крестили бы детей русские люди, не поднимала бы встремленного голоса антирелигиозная пропаганда.

"Человеку свойственны две великие потребности — общение с душой другого человека, других людей и общение с небом. Первая из них с самого начала нашла себе выражение в разных формах искусства; вторая — в разных религиях. Очень часто эти две линии перекрецивались и даже сливались", — писал Соловьев в "Письмах из Русского музея".

И еще: не помнили бы в СССР в народе православных праздников, о которых теперь не принято говорить в советской литературе. Впрочем, есть и исключения. В "Круге первом" Солженицына есть глава, в которой он описывает праздник Рождества в бараке немецких военнопленных.

Празднование Рождества, описанное

БИБЛИОГРАФИЯ

"Возрождение" № 204, декабрь 1968 г.

Париж.

Эта книга парижского журнала украшена небольшим рассказом покойного Ивана Лукаша об его отце, полтавском крестьянине, ефрейторе Лейб Гвардии Финляндского полка, участнике войны за освобождение балканских славян.

Убедительно и ярко показан старый солдат, хранивший за иконой не только свои кресты и медали, но и засохшую еловую ветвь, поднятую с мостовой в день погребения Царя-Освободителя. С изображением отца сливаются Россия — "светлая, победная, пролетевшая с серебряными трубами до Сан-СтефANO, до Константинона", та Россия, в которой — вопреки революционерам — дворцы и хижины были не врагами, а ступенями общего здания.

"Завет" Ивана Лукаша — дань этой России. Без громких слов, столь неуместных после постигшего нас крушения, он обогатил литературу об отечестве. Нужно быть благодарным "Возрождению" за его опубликование.

В литературной части той же книги заслуживает внимания "Чураевский памятник" — очерк Ю. Круzenштерн-Петереца о дальневосточных поэтах. Кружки, объединявшие — в Харбине и Шанхае — русских поэтов и прозаиков описаны выпукло и ярко. Включенные в текст стихотворные отрывки удачно дополняют описание.

Я. Н. Горбов — один из редакторов журнала — написал превосходный отзыв о книге Б. К. Зайцева "Река времени".

В исторической части напечатана очень интересная заметка генерала французской службы С. Андоленко о полученном им весной 1968 года сообщении недавно скончавшегося в Париже старого офицера Лейб Гвардии Преображенского полка В. В. Лыщинского-Троекурова. Он рассказал, что в 1916 году состоявший тогда российским военным агентом во Франции граф Игнатьев получил из России приказание Императора произвести расследование для установления источника клеветнических слухов, обвинявших Императрицу в сношениях с немцами.

Игнатьев и прикомандированный к нему Лышинский-Троекуров исполнili это повеление и убедились в том, что перочающие Императрицу слухи распространялись германским генеральным штабом.

После революции документы этого расследования были переданы на хранение историческому отделу французского военного министерства и исчезли из него во время последней войны.

Обстоятельная статья Н. Пащенко о состоявшемся в ноябре 1918 года в Яссах совещании аккредитованных при румынском Дворе посланников западных противников Германии с представителями русских политических организаций и некоторыми нашими государственными и общественными деятелями содержит не только перечень участников этого совещания и его подробное описание, но и некоторые сведения о попытке гетмана П. П. Скоропадского наладить, после капитуляции Германии, отношения с западными союзниками и с Добровольческой Армией. Эта задача была возложена Скоропадским на назначенного министром иностранных дел гетманской державы Г. Е. Афанасьева, а "вся секретная работа... исполнялась специально образованным секретариатом министра из трех доверенных лиц, под непосредственным начальством С. П. Валуева".

Вспоминания Ирины Астрау "От Армавира до Севастополя" дополняют несколькими подробностями то, что уже известно о трагических днях отхода Дона. Солженицыным, не похоже на православный праздник. Но здесь в сккупых словах выражена всеселовеческая сущность праздника: Вифлеемская звезда привела бывших врагов к общей мирной трапезе и осветила глубинную связь каждого человека с другим человеком, с родиной, с ее прошлым, настоящим и будущим, вернула им на мгновение чувство душевного мира. Вспомним еще раз слова Владимира Соловьева:

"Человеку свойственны две великие потребности — общение с душой другого человека, общество с душой другого. Празднование Рождества, описанное

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS
Organo Moysquico Bajo

Editor-Director
TATIANA K. DE DUBROWSKY
MONROE 4219, Dep. 10
BUENOS AIRES (30)
T. E. 52-7426

РУССКАЯ АМБУЛАТОРИЯ О.Р.Ю.Р.
Прием больных от 14.00 до 15.00 час.
по субботам.

Адрес: Calle Buenos Aires 2655,
Olivos. Коллективы: 4, 143, 113, 215
и железнодорожная станция "Dr. Ce-
trangolo" (Mitre).

Стоимость визита — 50 песо.
Электрокардиограммы, рентген и
анализы по сильно удешевленным
ценам.

Заведующий амбулаторией — др.
М. Царевский.

Нужен мужчина, желательно оди-
нокий и пенсионер, знакомый с
садоводством и посадкой цветов в
Villa La Bolsa (prov. Córdoba).
Представляется меблированная ком-
ната. Оплата по соглашению. Обра-
щаться:
Sr. V. Jalovenko. Tienda.
Calle 9 de Julio esq. Mitre,
Burzaco, F.N.G.R.

NICOLAS FEWR

EL SOL SALE EN OCCIDENTE

(Continuación)

La disposición mental de los rusos en aquél entonces podría caracterizarse con dos palabras: confusión y espera. La confusión provenía de los inesperados y grandiosos que resultaron los acontecimientos que se estaban desarrollando, y la espera con los importantes cambios políticos que estaban por producirse en la solución del problema ruso.

Por desgracia, la redacción de Nóvoe Slovo no pudo disipar esa confusión ni hacer correr la cortina que ocultaba los acontecimientos a producirse, ya que, por extraño que pareza, ella misma no estaba al tanto de lo que sucedía a su alrededor.

(Continuará)

B Villa La Bolsa в 8 км. от Alta Gracia, prov. Córdoba, на осенний пе-
риод сдаются комнаты по удешевлен-
ным ценам сроком на 10, 15 и 30 дней.
Пользование кухней, газовым ледни-
ком, столовой, кухонной посудой и
столовым прибором. Пользование го-
рячей водой.

При доме имеется парк. Прекрасная
осень в этой местности располагает к
душевному отдыху.

Обращаться:
V. Jalovenko. 9 de Julio y Mitre.
Tienda.
Burzaco, F.N.G.R.

бровольческой Армии к берегам Черного моря.

Соредактор журнала, князь С. С. Оболенский, включил в свой ежемесячный обзор политического положения стихотворения осужденных коммунистами поэтов Буковского и Делонэ, подчеркнув слова первого из них о необходимости очистить лицо России, снимая с него ложь, "как с язвы гной".

Он же обратил внимание на опубликованную франкфуртским журналом "Границы" статью Ивана Русланова "Молодежь в русской истории". Статья эта выделяется из всего того, что "Границы" чаще всего подносят читателю. В виде примера можно привести упомянутые и кн. С. С. Оболенским слова Русланова о том, что "неприятие и отрицание русского исторического пути... содержится во всех русских либерально-революционных общественно-политических учениях и программах, от кадетских до эсеровских и марксистских".

"Очистить лицо России — верно замечал редактор "Возрождения" — значит открыть ее подлинный лик, понять ее сущность и усвоить самим все значение и всю ответственность своей при-
надлежности к России".

С. Л. В.

Розыски

Разыскивается Зенон Королевич ТЯГИБОК, рожд. в мае 1919 года в Дубровицах, близь Львова.

Всех, знающих что-либо просят писать Стефании Лагола по адресу:

Stefania Lahola,
2055 Lark Ave., Lakewood,
Ohio 44107. U.S.A.